

И. С. Свенцицкая
 К ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ ΛΑΟΙ В ЦАРСТВЕ
 СЕЛЕВКИДОВ

В НАШЕМ распоряжении не много данных, относящихся к положению сельского населения на царской земле Селевкидов. Это — упоминания *λαοί* — «людей» в известных надписях о передаче земли Антиохом I Аристодикиду (RC, 10—11), о продаже земли царице Лаодике (RC, 18), о закладе земель и рабов храму Артемиды (AJA, 1912, XVI, стр. 12—14). В 1966 г. опубликована надпись, содержащая переписку Антиоха III со стратегом Сирии Птолемеем¹.

Первые три надписи неоднократно рассматривались в литературе. Большинство зарубежных исследователей называют *λαοί*, упомянутых в этих надписях, «сервами» (Ростовцев, Тарн, Броутон, Бикерман). В специальном исследовании, посвященном аграрным отношениям в Малой Азии, польский историк Т. Завадский² высказывает мнение, что *λαοί* находились в личной зависимости от землевладельцев и не имели никакой организации в отличие от составлявших особую группу лично свободных крестьян-общинников, живших в самоуправляющихся сельских поселениях. Е. С. Голубцова, также занимавшаяся формами зависимости в эллинистической Малой Азии, приходит к выводу, что на основании имеющихся данных трудно с определенностью говорить об юридическом статусе *λαοί*. Они, полагает исследовательница, не обладали личной свободой и по своему положению отличались от других категорий сельского населения³.

А. Б. Ранович дает несколько иную трактовку упомянутым выше надписям. В своей книге «Эллинизм и его историческая роль» (М.—Л., 1950) он приходит к выводу, что крестьяне в селевкидской Малой Азии не были ни рабами, ни крепостными. Они были прикреплены к своему хозяйству, к *ιδίᾱ*. *Λαοί* владели землей постольку, поскольку «они принадлежали к существовавшим некогда общинам, ныне превратившимся лишь в организационную связанность крестьян со своей *ιδίᾱ*» (ук. соч., стр. 157).

¹ J. H. Landau, A Greek Inscription found near Hefzbah, IEJ, 16 (1966), № 1, стр. 54 слл.

² T. Zawadzki, Z zagadnień struktury agrarno-społecznej krajów małoazjatyckich w erze hellenizmu, Poznań, 1952.

³ Т. В. Блаватская, Е. С. Голубцова, А. И. Павловская, Рабство в эллинистических государствах в III—I вв. до н. э., М., 1969, стр. 178, 181.

В настоящей статье я хочу еще раз вернуться к вопросу о положении «людей» (λαοί) в царстве Селевкидов, сопоставив данные малоазийских надписей и переписки Антиоха с Птолемеем, а также попытаюсь определить характер зависимости, в которой находились непосредственные производители на царских землях и на землях, переданных вельможам и служилым людям (данные надписей касаются именно последней категории; о земледельцах, подчиненных непосредственно царской казне, из них можно извлечь лишь косвенные данные).

В надписи о дарении части царской земли Аристодикиду λαοί названы в одной только фразе: в ней говорится, что, если «царские люди», живущие в том округе (τόπος), в котором находится Петра (крепость, передаваемая Аристодикиду), пожелают жить в ней ради безопасности, то Аристодикид должен разрешить им это (RC, 10). Эта фраза свидетельствует лишь о самом факте существования упомянутой категории населения в сельской местности. Передавая крепость частному лицу⁴, царь обязывает его в случае опасности впускать туда λαοί. Вряд ли эти люди перешли под власть Аристодикида. Аристодикид получает не весь округ, в котором находилась Петра, но лишь саму крепость и прилегающую к ней землю (χωρά). Поскольку λαοί названы «царскими», есть основание думать, что они обрабатывали оставшуюся в ведении царской казны землю данного округа. Е. С. Голубцова справедливо полагает, что кто-то должен был работать и на земле Аристодикида; не исключено, что это были прежние «царские люди»; но сама надпись об этом умалчивает⁵.

В надписи о продаже земли Лаодике имеется прямое указание о передаче ей «людей»: Антиох II продаст ей (в надписи — πεπ[ρ]α[κ]αμεν) Паннукоме, укрепленный дом, прилегающую (προσοῦσαν) к деревне землю «и если попадутся на этой земле какие-нибудь места (участки?), то и находящиеся на них люди со всем домом и всем, что им принадлежит (καὶ εἰ τις <ε>ἰς τὴν χω[ρ]αὴν ταύτην ἐπιπίπτουσιν τόποι καὶ τοὶ ὑπάρχοντες αὐτοῖς⁶ λαοὶ πανοικίους σὺν τοῖς ὑπάρχουσιν πᾶσιν...), равным образом и тех, кто из этой деревни переселился в другие места (εἰς ἄλλους τόπους)». Таким образом, Лаодике передается земля, деревня, а также люди из этой деревни, которые переселились в другие места или живут не в самой деревне, а на прилегающей к ней земле, возможно, своего рода крестьяне, ведущие хуторское хозяйство на общинной земле. В цитированном отрывке слово τόποι стоит в именительном падеже, оно не является дополнением к глаголу «продали»; поскольку эти τόποι входили в хору деревни, то, естественно, они переходили к Лаодике в составе этой хоры. Передача людей, живших за пределами деревенского поселения, оговорена во из-

⁴ Аристодикид, гражданин города Асса, получает землю за то, что «будучи нашим другом, оказывал нам услуги со всяческим благорасположением и усердием». Такая формулировка позволяет думать, что он не занимал какой-то определенной должности на царской службе, но входил в круг приближенных царя и носил почетный титул φίλος. Возможно, он представлял интересы царя в своем городе.

⁵ Блаватская, Голубцова, Павловская, укр. соч., стр. 173.

⁶ Уэллс переводит это выражение как «живущие там». Примерно в таком же значении это причастие отнесено в начале надписи к Паннукоме — τῆς Παννουκώμης ὑπάρχουσιν — существующую Паннукоме. В отчете о передаче земли управляющему Лаодики, по-видимому, просто указаны οἱ ὑπάρχοντες λαοί; для τόποις в лакуне нет места. Здесь это выражение явно означает «имеющиеся налицо», «существующие» люди (RC, 20). Значение слова τόποιс попималось исследователями по-разному: Уэллс переводит его как hamlets «деревушки», А. Б. Равович — «местечки»; Е. С. Голубцова (Блаватская, Голубцова, Павловская, укр. соч., стр. 177) оставляет это слово без перевода, но из дальнейшего контекста видно, что она понимает его как «округ» (стр. 178). Выражение εἰς ἐπιπίπτουσιν скорее указывает на случайное, не-обязательное существование τόποιс в хоре деревни. Поэтому кажется возможным понимать это слово в более общем смысле, как места, участки, где могут жить выселившиеся из собственно деревенского поселения земледельцы.

бежание возможных недоразумений; вероятно, в этот период не было государственного-правового оформления статуса жителей царской земли, поэтому царь специально подчеркнул их связь с деревней и общинной землей. Что же касается фактических жителей деревни, то о них особо говорить было не нужно, поскольку Лаодике переходило поселение в целом. Это видно и из акта передачи земли управляющему Лаодики, к сожалению, фрагментированного. В начале фрагмента λαοί, как уже было, сказано, упомянуты, но в самой формуле передачи упоминания о них нет: «[передана] Арридею, эконому Лаодики... ..кратом гипархом и деревня, и дом, и прилегающая[земля], согласно предписанию эконома Никомаха...».

Жители деревни на царской земле в своих отношениях с внешним миром выступали как члены данной общины; они носили этникон деревни: границы деревенской земли в РС, 20 засвидетельствованы тремя людьми: двумя паннукомидами и одним питокомитом. Переселившиеся из Паннукоме земледельцы сохраняли свою связь с общинной организацией, они, вероятно, по-прежнему были паннукомидами, поэтому если их родная деревня меняла господина, они тоже переходили под его власть. Никаких намеков на розыск или насильственное возвращение λαοί в надписи нет. Переселенцы ушли из деревни, когда она была еще царской; вряд ли цари одобрительно относились к переселениям (согласно известному письму пергамского царя Евмена, в деревне кардаков в е р н у в ш и е с я крестьяне получают меньше льгот по освобождению от торговых пошлин, чем постоянно жившие в деревне⁷), по предотвратить переселения они на деле не могли.

Интересно отметить тот факт, что Паннукоме — новое поселение, возникшее сравнительно незадолго до продажи («существующая Паннукоме возникла позднее»). Как видно из надписи о передаче земли и определении границ, существовали люди, которые помнили, где проходила старая дорога (РС, 20). Можно себе представить, что во время ожесточенных войн полководцев Александра, при постоянных сменах правителей, грабежах, военных постоях и реквизициях жители этого района, возможно, некогда находившегося под властью какого-нибудь знатного перса (как думает Уэллс), разбежались. Когда положение стабилизировалось, когда власть Селевкидов стала достаточно прочной, крестьяне вернулись, возможно, поселились новые люди. Из троих свидетелей в РС, 20 двое носят греческие имена и отчества: Менеkrat, сын Баkха, питокомит, и Медий, сын Метродора, паннукомит (третий имеет местные и имя и отчество: Даус, сын Адзарета, паннукомит). Может быть, первые двое были детьми греческих наемников, отбившихся от какого-нибудь отряда или бежавших с поля боя и осевших среди местного населения. Свободной земельной собственности в то время не существовало: человек мог обрабатывать землю, либо городскую, либо пожалованную царем, либо общинную — и эти люди стали членами той деревенской общины, к которой прибила их судьба. А поскольку деревня находилась на царской земле, то и жители ее оказались «царскими людьми».

Лаοί упомянуты и в надписи Мнссимаха о закладе земель, доходов и рабов храму Артемиды. Земли были получены Мнссимахом от царя (в надписи оговаривается возможность того, что царь отберет эту землю). Закладываются деревни, с которых платится денежная подать в царскую казну, усадьбы, клеры, доходы, рабы. При перечислении доходов и появляются λαοί: «... И от всех деревень, и клеров, и усадеб, относящихся к ним, от „людей“ со всеми домами и принадлежащим им, и от сосудов ви-

⁷ Clara Rhodos, IX (1938), стр. 190: «И в отношении всего, что они ввозят из чужой страны, быть им свободными от налогов в течение трех лет, а тем, кто ушел из этого места, теперь же хочет вернуться, — в течение двух лет...». См. также SEHN W, стр. 647.

на, и податей денежных и трудовых, и от остального, получаемого из деревень, и, помимо перечисленного, еще сверх того: когда произошел раздел, Питей и Адраст взяли выделенную в Тобалмурах усадьбу, за этой усадьбой находятся дома „людей“ и рабов»:... ἐκ πασῶν οὖν τῶν κωμῶν καὶ ἐκ τῶν κλήσων καὶ τῶν οἰκοπέδων προσκυροῦντων καὶ τῶν λαῶν πανοικίων σὺν τοῖς ὑπάρχουσιν καὶ τῶν ἀγγείων τῶν ὀνηρῶν καὶ τοῦ φόρου τοῦ ἀργυρικοῦ καὶ τοῦ λειτουργικοῦ καὶ τῶν ἄλλων τῶν γινομένων ἐκ τῶν κωμῶν καὶ χωρῶν τούτων ἐτι πλέον τῆς διατρέψεως γενομένης ἐξαιρήματα ἔλαβεν πῦθρος καὶ Ἄδραστος ἐν Τοβαλμοῦροις ἀλλήν καὶ ἔξω τῆς ἀλλῆς εἶσιν οἰκίαι τῶν λαῶν καὶ τῶν οἰκετῶν. Согласно этой надписи, λαοὶ платили подати владельцу земли; как кажется, эти подати входили в доходы, получаемые от деревень: конец перечисления («и от остального, получаемого из деревень») дает возможность такого (хотя, наверное, не единственного) толкования. Т. Завадский считает, что на частных землях, так же как и на городских и царских, существовали две категории земледельцев: одни, живущие в деревнях и обязанные только уплатой фороса, и другие, чьим трудом землевладелец мог распорядиться по своему усмотрению. Е.С. Голубцова также полагает, что на землях Мнесимаха λαοὶ и жители деревень — разные правовые категории. Мне кажется, текст надписи не дает твердых оснований для подобной гипотезы, как, впрочем, и для ее опровержения. Хочу обратить внимание только на итоговую формулировку из второго столбца надписи. В этом столбце договор о закладе назван «записанный здесь договор о деревнях и клерах и об участках (χωρῶν) и всех рабах...». В этой формуле λαοὶ или доходы с них не упомянуты: по-видимому, они подразумеваются в словах «о деревнях». Указание на отдельно расположенные дома λαοὶ в первой части надписи сделаны потому, что в деревне Тобалмуры была выделена усадьба Питей и Адраста⁸, а за ней тоже жили λαοὶ (в надписи нет указаний, что дома находятся за пределами деревни; рабы Мнесимаха также живут в деревнях).

Деревни, находившиеся на земле Мнесимаха, вносили в царскую казну фиксированную денежную подать, размеры которой колебались, вероятно, в зависимости от количества земли и жителей деревень: в одном случае три объединенных в налоговый округ деревни (Тобалмуры, Танду и Комдилипия) платят 50 золотых, во втором — одна деревня платит 57 золотых, в третьем тоже одна деревня платит всего три золотых. Кто собирает с деревень эти деньги — неясно, в надписи указано только, в какой налоговый округ вносятся деньги. Возможно, сборщиком подати и гарантом своевременной уплаты был владелец земли — именно поэтому и в закладном обязательстве точно указано, сколько и куда следует вносить (в случае перехода земель храму Артемиды отвечать за уплату подати будет храм). В пользу землевладельца шли денежная подать (часть которой, вероятно, и передавалась землевладельцем в казну), трудовые повинности и натуральная подать — сосуды с вином (к сожалению, мы не знаем их количества; соблазнительно было бы предположить, что вино как более выгодный товар земледелец предпочитал продавать сам). Взимание твердой денежной подати было выгодно царю и землевладельцу, но, несом-

⁸ По предположению издателей (AJA, 1912, стр. 201), речь об этом разделе шла в несохранившемся начале надписи; в момент же заклада земли усадьба принадлежала Мнесимаху. Возможно, Питей и Адраст фигурировали в судебном процессе о землях Мнесимаха, о котором говорится в начале надписи. Кажется более вероятным, что усадьба была изъята из владений Мнесимаха в пользу Питей и Адраста, и в дальнейшем они были упомянуты только для того, чтобы уточнить, где именно находятся дома λαοὶ, переходящих в числе других жителей Тобалмур под власть храма Артемиды. Иначе непонятно, почему вдруг в перечень закладываемых доходов и рабов вставлено упоминание о Питее и Адрасте, оно воспринимается как вводное предложение с особыми подлежащим и сказуемым.

ненно, ухудшало положение земледельцев. При такой системе взимания податей в случае любого стихийного бедствия, неурожая все убытки падали только на земледельцев. Страдали они и от возможных ухудшений рыночной конъюнктуры в случае слишком обильных урожаев. Конечно, не исключена была возможность накопления в отдельных хозяйствах; но связанность с общиной (с более богатых хозяйств могли брать большую долю общедеревенской подати) и зависимость от землевладельца ограничивали как само накопление, так и реализацию накопленного: например, использование дальних рынков могло быть затруднено из-за необходимости выполнения трудовых повинностей.

Переписка Антиоха III с сирийским стратегом Птолемеем позволяет нам представить себе положение в системе царских земель крупного владения, принадлежащего вельможе. Надпись сильно фрагментирована и восстановление ее не всегда представляется убедительным. Тем не менее она дает интересный материал. После перехода Южной Сирии под власть Антиоха III в результате четвертой сирийской войны египетский наместник Птолемей перешел, по-видимому, на сторону нового властителя, и тот оставил за ним должность стратега, архиереуса и его земельные владения. Надпись (фрагменты шести писем) фиксирует переписку Антиоха и Птолемея, Антиоха и Клеона, царского диоикета, и некоторых других адресатов, в которой определяются права Птолемея в его владениях. В первом письме можно понять только отдельные фразы и слова: «Царь Антиох Птолемея приветствует... прикажи написать на каменных стелах ... письма поставить в имеющихся (принадлежащих ему — *ὑπαρχούσαις*. — И. С.) деревнях (слово *κώμαις* восстановлено. — И. С.). Мы написали об этом Клеону и Гелиодору, диоикетам, чтобы...». Второе письмо адресовано Клеону. Связный перевод этого письма тоже невозможен. Там упоминается среди прочего *ἐν κτή[μασιν.....]φ αὐτῷ κατὰ τὸ.. δοθέν δια...* Возможно, речь идет о владениях, предоставленных Антиохом стратегу Птолемею. Этому же Клеону адресованы также третье и четвертое письма, они представляют собой копии меморандума, направленного Птолемею царю.

III. «Царь Антиох Клеона (?) приветствует. Прилагается копия меморандума (*ὑπόμνημα*), который дал мне Птолемей, стратег и архиереус, пусть будет, как он предлагает. Царю Антиоху меморандум от Птолемея, стратега и архиереуса. Дальше в надписи следуют слова: *τῶν μὲν ὄντων χρημάτων ἄξιῳ γραφήναι [ταῦθ'] ὅσα μὲν ἂν ἦι ἐν ταῖς κώμαις [μου] [τοῖς λαοῖς π[ρ]οκ[α]υτοῖς εἶναι ἐξα[γ]ώγιμα ἐπὶ τῶν παρεμῶν, ὅσα μὲν ἂν ἦι πρὸς τοῖς [τῶν] ἄλλων κώμων [ὅ]τε οἰκονόμος καὶ ὁ...* Восстановление *χρημάτων* не кажется бесспорным; там могло стоять и *θρεμμάτων* (или *βοσκημάτων*) скота. Этот отрывок вместе с последующими фрагментированными строками можно перевести примерно так: «В отношении продаваемого имущества (или „скота“. — И. С.) я полагаю (нужным) написать: то, что будет в моих деревнях у „людей“ для них самих, пусть будет вывозимо под надзором моих (служащих), что же будет для (людей) других деревень, пусть наблюдает эконоμ и поставленный... Если же ... покажется более важным, пусть посылают к стратегу Сирии и Финикии. Фрурархи же и начальники топов не должны никоим образом сворачивать их с пути (или — уклонять: в тексте *περισ[-----]*), на мой взгляд, возможно *Inf.* от *περισπάω* или *περισώω*. — И. С.) проводящих (тоῦς πατη[γ]ομέωυς?). То же самое написано Гелиодору».

IV. «Царь Антиох Клеона приветствует. Прилагается копия меморандума, которую дал нам Птолемей, стратег и архиереус. Пусть будет так, как он предлагает. Царю великому Антиоху от Птолемея, стратега и ар-

хиревса. Полагаю, если ты решишь, царь,... .. в отношении Клеона и Гелиодора, диоикетов, в имеющиеся у меня деревни во владении (εις ὑπ[αρχ]ούσας μοι κώμ[ι]ās [ἐγ] κτήσει) и в отцовские владения (καὶ εἰς [τ]ὸ πα[τ]ρικόν) и в те, что ты приказал приписать (καὶ εἰς [ἄς] οὖ προ[σ]έταξας καταγράψ[αι?]), никому не будет возможности ни под каким предлогом становиться на постой, ни других приводить, ни налагать штраф на недвижимость (τὰ κτήματα), ни людей уводить (ἐξάγειν λαός).

V. «Царь Антиох приветствует Марсия. Птолемей, стратег и архиепископ объявил нам, что многие путешествующие силой останавливаются в деревнях и совершают много несправедливостей, не пользуясь нашими станциями (ἐπιστάθμοις?). Поэтому позаботься, чтобы они не только прекратили это, но и понесли заслуженное наказание в десятикратном размере, если был нанесен ущерб». Далее в надписи следует перечень лиц, которым направляются копии. От шестого письма, адресованного Гелиодору, сохранилось только начало, где указано, кому направлены копии.

Надпись свидетельствует о существовании значительных владений, принадлежавших вельможам и лишь номинально зависимых от центральной власти⁹. Во владения стратега Птолемея входили земли, бывшие у него еще во время египетского господства (к ним применен термин «отцовские») и земли, приписанные, т. е. переданные ему царем Антиохом. Составляли ли деревни особую категорию владений наряду с «отцовскими» землями и приписанными, или они находились как в «отцовских» владениях, так и в приписанных? Издатель надписи предлагает следующий перевод соответствующего отрывка из IV письма: «В отношении деревень, принадлежащих мне в качестве собственности и в качестве наследственного держания, и в отношении тех, которые ты приказал приписать мне» (ук соч., стр. 61). Этот перевод не кажется мне правильным: εἰς τὸ πα[τ]ρικόν не параллельно [ἐγ] κτήσει, но параллельно предшествующему εἰς... κώμ[ι]αις и последующему εἰς [ἄς] οὖ προ[σ]έταξας καταγράψ[αι?]. Это место можно понимать двояко: а) «в деревни, находящиеся в моем владении; в отцовские владения; в те, что ты приказал приписать...»; б) «в деревни, находящиеся у меня во владении — как и в отцовское достояние, так и в те (если восстановление [ἄς] правильно, то имеются в виду деревни. — И. С.), что ты приказал приписать». В последнем случае и наследственные и приписанные деревни составляли κτήσις Птолемея. Второе толкование кажется мне логически более вероятным, поскольку во всей переписке речь идет именно о деревнях и их жителях и другие земли в остальных письмах не упоминаются.

Интересно выражение [ἐγ] κτήσει, употребленное в отношении деревень, подчиненных Птолемею. Это выражение встречается в договоре Милета с Магнесией на Меандре о спорных землях (Syll.³, 588, 196 г. до н. э.): согласно одному из пунктов его, милетяне обязуются не принимать ни земли, ни крепости магнетов ни во владение — ἐγ κ[α]τέσει, ни в дар (ἐν δόσει), ни в посвящение. Земли «во владении» составляли, по-видимому, основную категорию земельных владений, находившихся у частных

⁹ Вероятно, подобным же вельможным владением были земли Птолемея Тельмесского, египетского наместника в Ликии в III в. до н. э. В честь этого Птолемея было принято постановление города Тельмесса (ТММ, I, 1). Земли эти и после перехода Ликии под власть Антиоха III, по-видимому, остались за потомками Птолемея: в упомянутом письме Евмена деревне кардаков, отошедшей в Пергаму в связи с разделом малоазийских владений Антиоха, сказано, что жители деревни купили у Птолемея участок земли. Владения эти были, вероятно, значительны, их касался особый пункт в соглашениях по Апамейскому миру. Ливий пишет, что земля, которая некогда принадлежала Птолемею Тельмесскому (agrum qui Ptolemaei Telmessii fuisse — XXXVII, 56, 4—5), не досталась ни Родосу, ни Пергаму. Возможно, это было сделано в связи с вмешательством Египта. Дальнейшая судьба этих территорий неизвестна.

лиц, во всяком случае на городских землях: в почетных декретах эллинистических полисов часто встречается предоставление негражданам или новым гражданам за особые заслуги права $\xi\chi\tau\eta\rho\iota\varsigma$ ¹⁰. В других письмах Селевкидов (РС, 11 и 70) для обозначения владений частных лиц на царской земле употреблен более нейтральный глагол «иметь» — $\xi\chi\epsilon\iota\nu$. И в том и в другом письме этот глагол употреблен в одинаковом контексте: «Которую (землю. — И. С.) раньше имел Мелеагр»; «деревню, которую раньше имел Деметрий» ($\omega\mu\eta\rho\nu\ \tau\eta\nu\ \pi\rho\tau\epsilon\rho\omega\nu\ \xi\sigma\chi\epsilon\nu\ \Delta\eta\mu\eta\tau\rho\iota\omega\varsigma$ — следует отметить, что владельческие права Деметрия — каков бы ни был их объем — были в данном случае правами на д е р е в н ю). В надписи о продаже земли Лаодике глагол $\xi\chi\epsilon\iota\nu$ также встречается: люди, купившие или получившие от нее землю, будут иметь ее ($\xi\chi\omega\sigma\iota\nu$) $\chi\alpha\rho\iota\omega\varsigma$. А. Б. Равович полагает, что последнее словоупотребление опровергает, в частности, переводы Уэллса глагола $\xi\chi\epsilon\iota\nu$ как «держат»¹¹. Однако прибавление $\chi\alpha\rho\iota\omega\varsigma$ как раз показывает, что глагол $\xi\chi\omega$ сам по себе не содержал указания на собственнические права. Специальная же оговорка в меморандуме Птолемея: «деревни во владении» говорит об ином владельческом отношении, чем то, которое выражено глаголом «иметь» применительно к царской земле и деревне, находившихся у Мелеагра и Деметрия. Я полагаю, что владельческие права Птолемея были более прочными, царь не мог отобрать у него землю, как он мог это сделать в отношении земель Мнесимаха и как, возможно, он сделал это в отношении земель Мелеагра и Деметрия. Птолемей в л а д е л деревнями, а прочие упомянутые лица землю «имели» или «держали», поскольку вполне возможно, что наделение их царской землей было обусловлено их службой: в надписи Аристоклида, между прочим, упомянут смотритель гаваней, получивший земельное владение от царя¹².

Все привилегии, полученные Птолемеем, свидетельствуют о том, что он мог достаточно полно властно распоряжаться в своих землях, в том числе и в тех, которые он получил от Антиоха. Письма по существу изымают владения Птолемея из-под контроля царской администрации: ему даруется своего рода иммунитет; в деревнях, подчиненных Птолемею, нельзя становиться на постои, накладывать штрафы, уводить людей¹³.

¹⁰ Земля, переданная «в дар», упоминается в надписях значительно реже: клер в дар ($\delta\omega\rho\acute{\alpha}\nu$) получили от Смирны безземельные катеки, а еще раньше Филей афинянин — пустошь от Приены (см. И. С. С в е н ц и ц к а я, К вопросу о гражданских и имущественных правах в эллинистических полисах Малой Азии, ВДИ, 1966, № 2, стр. 49).

¹¹ Р а в о в и ч, Эллинизм и его историческая роль, стр. 157; $\xi\chi\omega\sigma\iota\nu\ \chi\alpha\rho\iota\omega\varsigma$ он переводит «будут владеть ею неограниченно». $\chi\alpha\rho\iota\omega\varsigma$ скорее означает «на законном основании». Об этом термине в эллинистическом Египте см. К. К. З е л ь и н, Исследования по истории земельных отношений в Египте II — I вв. до н. э., М., 1960, стр. 297 слл.

¹² В отношении земли смотрителя гаваней употреблен глагол $\epsilon\pi\sigma\tau\upsilon\phi\epsilon\omega$ «уступать». Тот же глагол употреблен в надписи Смирны (о даровании прав гражданства селевкидским катекам — OGIS, 229) применительно к земле, переданной царем военному поселению. «Уступленная» земля продолжала считаться царской. Возможно, и Мелеагр и Деметрий также получили наделы, «уступленные» за службу, поэтому их владельческие права определены глаголом $\xi\chi\omega$. Аристоклиду, который занимал более привилегированное положение, земля не уступает, а дается, даруется (в надписи: $\delta\omega\beta\alpha\iota$, $\delta\epsilon\delta\omega\kappa\iota\mu\epsilon\nu$ и т. п. — РС, 10); он получает право приписать ее к городу, т. е. совсем изъять из царской юрисдикции.

¹³ Ср. формулу из средневековой иммунитетной грамоты: «Предписываем ... чтобы вы, ни ваши помощники и заместители, ни какой-либо другой, наделенный судебной властью человек не посмели входить (на территорию монастыря) ни для производства административных дел, ни для истребования штрафов, ни для расположения постои...» («Социальная история средневековья», под ред. Е. А. Косминского и Е. А. Удальцова, I, М. — Л., 1927, стр. 195). Хотелось заметить, что, с моей точки зрения, не следует бояться аналогий со средневековыми институтами. При всех модификациях основой производства в большинстве районов древнего мира и в средние века было сельское хозяйство, основанное на ручном труде; такое производство имеет ряд при-

В надписи Птолемея термин $\lambda\alpha\omicron\iota$ безусловно отнесен к жителям деревень: как к жителям деревень во владениях Птолемея, так и к жителям «других» деревень. Эти люди владеют имуществом, они могут торговать друг с другом и с «людьми» других деревень; внутренние сделки контролировались специальными служащими самого Птолемея, а сделки с жителями других деревень — царскими чиновниками, причем конфликтные ситуации должны были разбираться ни много ни мало как стратегом Сирии и Финикии. На обычных «царских людей», т. е. находившихся в юрисдикции царя, чиновники могли наложить штраф (стратег Птолемей как раз просит изъять его людей от этого — ему невыгодно, чтобы его работники разорялись государством), в царских деревнях могли останавливаться на постой (вероятно, войны). Не совсем ясно, что означает просьба не увести «людей». Эта просьба стоит после указания на постой и штрафы; здесь тоже, по-видимому, имеется в виду какая-то практика государственных чиновников, возможно, привлечение земледельцев к принудительным работам или иным повинностям. Много времени спустя римский император Домициан написал своему сирийскому прокуратору письмо, в котором он запрещал использовать земледельцев в качестве проводников (SEG, XVII, 755); не исключено, что и во времена Антиоха это была одна из обязанностей, от которой Птолемей хотел оградить своих крестьян. Как видно из письма V, соглашение между царем и стратегом Птолеем не соблюдалось на деле: вместо того чтобы пользоваться официальными царскими станциями проезжие предпочитали останавливаться в деревнях и жить за счет крестьян; можно думать, что это были прежде всего царские чиновники; наказание за причинение ущерба весьма сурово — возмещение убытка в десятикратном размере.

Длинная переписка Антиоха с Птолеем и царскими двоюродными в сопоставлении с другими данными о землях, переданных Селевкидами отдельным лицам, говорит о том, что положение жителей царской земли не было юридически строго определено.

Единичные, в известной степени случайные, сведения об отдельных зависимых деревнях, как мы видели, различны. Ф о р м а п о д а т и: денежная, натуральная, трудовая. О б л о ж е н и е: пообщинное, подворное (так я склонна понимать доходы, получаемые Мнесимахом от «людей» со всем им принадлежащим) и подушное. Последнее существовало в Пергамском царстве: оно упомянуто в письме Евмена II деревне кардаков (с каждого взрослого «тела» — родосскую драхму и четыре обола). Однако эта деревня перешла к нему после раздела малоазийских владений Антиоха III по Апамейскому миру: не исключено, что форма подати могла сохраниться в прежнем виде. С в я з ь с о б щ и н о й: непризнание со стороны царской власти права выхода из общины и фактическое распространение переселения, с которым цари, как кажется, реальной борьбы не вели.

«Царские люди» владели имуществом, могли или даже должны были, если принять во внимание денежную форму подати, вести торговлю, другими словами, они обладали известной хозяйственной инициативой. Неясен вопрос, было ли у $\lambda\alpha\omicron\iota$ право распоряжения землей. Мы знаем, что жители деревни кардаков купили землю у Птолемея Тельмесского. По-видимому, землю приобрело поселение в целом: в надписи сказано, что они не заплатили денег «потому, что большинство из них исчезло». Царь разрешает им сохранить землю за собой, с тем чтобы серебро с них не вы-

сущих ему общих особенностей, которые существовали и в древности и в средневековье и могли проявляться в сходных институтах, только в одном случае эти институты могли иметь определяющее значение, а в других — быть пережиточными или неразвитами.

скивалось (после Апамейского мира их деревня и владения Птолемея оказались разделенными государственной границей); вероятно, эта коллективная покупка была сделана еще в системе царства Селевкидов. Существовало ли движение земельной собственности между отдельными хозяйствами, для этого периода сказать нельзя.

На основании приведенных единичных сведений нет смысла, на мой взгляд, делать выводы о строго определенном правовом положении «людей». Не только потому, что материала слишком мало, но и потому, что система общественных связей еще не сложилась окончательно, не стабилизировалась. Перераспределение собственности в результате греко-македонского завоевания зависело в каждом отдельном случае от множества конкретных факторов; в отдельных областях традиционные связи нарушались полностью; в других, возможно, сохранялись; размеры и формы ренты могли быть различны в разных хозяйствах: они уже не определялись обычаями, но вряд ли были специально определены законодательными актами. Самым существенным, во всяком случае общим, для $\lambda\alpha\omicron\iota$ была их связь с общиной: в надписях Птолемея, Лаодики, Мнесимаха речь идет о правах владения на деревни: $\lambda\alpha\omicron\iota$ находятся под властью упомянутых лиц, поскольку они живут в находящихся на частной земле деревнях.

Степень зависимости «людей» от царской власти не была фиксированной и на территориях, переданных частным лицам. Она определялась волей царя, степенью влияния сановника, получившего землю. Деревни Мнесимаха находились частично под контролем царской казны, и царь мог отобрать у него эти земли; деревни Птолемея были полностью — в том, что касалось внутренних дел, — изъяты из ведения царской администрации, но гарантировал права Птолемея дийкет, т. е. управляющий царским хозяйством, и вопросы, которые касались отношений с деревнями вне закрепленной за ним территории, тоже находились в ведении царских чиновников. Лаодика получила права на деревню и землю в более полном объеме, поскольку она могла приписать землю к городу и таким образом совсем избавиться от необходимости контактов с царской администрацией. Как изменялось в последнем случае положение «людей», сказать трудно. В надписях городов термин $\lambda\alpha\omicron\iota$ не употребляется; вообще, на мой взгляд, это слово не было общеправовым статусным термином; в кирешской стихотворной надписи III в. до н. э. (BSH, XXXI, 1958, II, стр. 571 сл.) упоминаются две группы населения, существующие во владениях «великого царя», т. е. Птолемея: «люди» и города: $\lambda\alpha\omicron\varsigma \kappa\alpha\iota \pi\omicron\lambda\iota\epsilon\delta\rho\alpha$. Таким образом, здесь все не имеющие гражданских прав в каком-либо полисе (исключая, конечно, рабов) рассматриваются как $\lambda\alpha\omicron\iota$, т. е. подданные царя. Персонально же такие неграждане были кометами той или иной деревни, как это зафиксировано в надписи о передаче земли эконому Лаодики. На городских территориях действовало более определенное юридическое разграничение: между гражданами данного города и сельскими жителями, которые входили в общую группу «живущих в городе и хоре», в свою очередь подразделяющуюся на персональные статусные группы — ксенов, пареков, вольноотпущенников, катеков и т. п. (если следовать делению, приведенному неоднократно в приенских надписях, — IP, 114, 118 и т. д.). В римский период термин $\lambda\alpha\omicron\iota$ совсем не используется для обозначения сельского населения, видимо, как недостаточно определенный и связанный только с отношением к царской власти.

Как определить форму зависимости, существовавшую на царских землях Селевкидов (в том числе и на землях, переданных частным лицам)? Считать ли ее крепостничеством или модификацией рабства? Мне кажется, не следует отождествлять, даже в «половинчатой» форме (полурабская, полукрепостническая и т. п.), зависимость сельского населения эллини-

стического (и, может быть, не только эллинистического) периода ни с рабством, ни с крепостничеством. Как показали советские исследователи (А. Б. Ранович, Е. С. Голубцова), жители малоазийских деревень не находились в личной зависимости; с моей точки зрения, этот вывод можно отнести ко всем «царским людям». Между тем и рабство и средневековый серваж — зависимость личная. Как были в пообщинной зависимости от владельца земли, на которой находилась община: а вся община находилась в зависимости поземельной. Коллективная форма зависимости — одна из древнейших форм господства и подчинения. Самой древней и простой формой таких отношений было взимание дани одним племенем с другого, первоначально, вероятно, нерегулярной и нефиксированной. В дальнейшем эти отношения развивались и усложнялись; в Малой Азии перед походами Александра Македонского существовала зависимость племени от города, но это именно зависимость племени (фригийцев от Зелеев, педиеев от Приены)¹⁴, а не личная зависимость членов этих племен от членов гражданского коллектива долины. При низкой производительности труда и натуральности хозяйства только такая зависимость, когда подчиненное племя оставалось на своей земле в привычных условиях труда, сохраняя свою внутреннюю коллективную организацию, давала возможность коллективу господствующему получать часть прибавочного продукта сначала в виде дани, а затем уже в виде регулярной подати. В доэллинистической Малой Азии существовала и зависимость коллективов (общин) от вельмож персидского царя: на земле перса Асидата, согласно рассказу Ксенофонта (Anab. VII, 8, 21), находились деревни, где он укрывался во время набега греческого отряда.

Для раннего периода вряд ли можно говорить о прикреплении земледельцев к общине: их связь с ней была слишком органической, они были «прикреплены», так сказать, естественно; вне ее они могли существовать только как изгои, беглецы или — если их захватывали — как рабы. Сохранение общинной организации не следует рассматривать как пережиток; на мой взгляд, оно было важным условием нормального функционирования сельскохозяйственного производства.

Когда определяющей отраслью производства является земледелие, основанное на ручном труде, т. е. когда личная сноровка, навыки, трудолюбие играют столь большую роль, основная хозяйственная ячейка должна быть сравнительно невелика: большая семья и, при дальнейшем развитии, малая (особенно при разведении культур, требующих квалифицированного индивидуального труда, таких, как виноградник и оливы). Но мелкое хозяйство при всех преимуществах, которые дает личная заинтересованность работника, очень неустойчиво: любые неблагоприятные внешние факторы — засуха, наводнение, вторжение неприятеля — могли привести к разорению хозяйства. Это противоречие между необходимостью индивидуального хозяйства и его неустойчивостью проявлялось во всех обществах и во все периоды, где господствовало сельскохозяйственное производство, основанное на ручном труде. Разрешалось оно различным образом, в различных условиях; общим же было существование внеэкономических ограничений, обычноправовых или государственноправовых, или внеэкономического принуждения, или и того и другого.

Ограничения землепользователя (коллектива или индивида) в распоряжении земель могут быть вызваны уровнем развития производитель-

¹⁴ О зависимости племен см. И. С. Свенцицкая, Положение зависимого населения в Малой Азии V—IV вв. до н. э., ВДП, 1967, № 4, стр. 80 слл. Этому вопроса касаются также Е. С. Голубцова в упомянутой выше книге и А. А. Нейхардт (Д. П. Калластов, А. А. Нейхардт, И. Ш. Шифман, И. А. Шишова, Рабство на периферии античного мира, Л., 1968, стр. 112 сл., 137 слл.).

ных сил и общей системой хозяйства — это, если можно так выразиться, ограничения абсолютные; так, в условиях родовой общины права распоряжения вообще не существовало; собственность коллектива на землю ограничивается лишь правом присвоения и выступает как таковая только по отношению к чужакам. Но ограничения могут быть вызваны специфическими интересами какой-то определенной общественной группы и быть различными по отношению к различным слоям населения или категориям владения — в этом случае мы имеем дело с относительными ограничениями. Абсолютные ограничения в праве распоряжения землей с течением времени могли превратиться в относительные: так, первоначальное отсутствие межплеменного и межобщинного движения земли было абсолютным ограничением; запрещение же приобретения земли негражданам на территории данного полиса в классический и эллинистический периоды стало ограничением относительным, существовавшим в интересах определенной социальной группы — гражданского коллектива.

Внеэкономические ограничения могли касаться не только права распоряжения землей, но и других сторон хозяйственной деятельности (свободы переселения, отчуждения движимого имущества, характера производимой продукции и т. п.). В том случае, если система ограничений приводит к эксплуатации или способствует ей, следует говорить о внеэкономическом принуждении. В обществах, где основой производства было мелкое хозяйство, вырабатывалась особая система связей непосредственных производителей с землей, друг с другом и с лицами, владевшими землей, но не работавшими на ней (когда появлялась такая социальная категория), система, которая могла ограничить мобильность земельной собственности или (и) самих производителей. Они могли оказаться прикрепленными к земле или к владельцу (коллективу или индивиду); наряду с этими связями, формирующими отношения господства и подчинения, существовали связи между самими непосредственными производителями: они оказывались связанными определенными коллективными правами и обязанностями, которые если не ограждали каждого члена коллектива от возможного разорения, то все-таки поддерживали известную стабильность внутри коллектива в целом. В различных общинах в разные периоды могли существовать различные относительные ограничения, касающиеся распоряжения семейным наделом. Отчуждение земли могло происходить только после публичного объявления и при отсутствии претензий со стороны остальных членов общины (среднеассирийский судебник); женщина не могла распоряжаться своей вдовой долей (§§ 150 и 171 кодекса Хаммурапи) или даже вообще владеть земельным наделом (титул об аллодах Салической правды); землю не отдавали в возмещение ущерба или в счет уплаты вергельда (§ 54 кодекса Хаммурапи: можно было продать самого крестьянина, если его движимого имущества не хватало для полного возмещения; ср. титул о горсти земли Салической правды) и т. д.

Не менее важным был и тот объем прав, которым обладали члены общины, в частности право доступа к общественным фондам: воде, земле, денежным средствам (последнее в виде участия в празднествах, раздачах, в виде выкупа из плена)¹⁵. Общественная земля играла большую роль в системе землевладения греческих полисов; подобная же категория земельных владений засвидетельствована для малоазийских *хоуш* — объединений вокруг святилищ (представляющих собой разросшиеся и трансформированные сельские общины); священная земля сдавалась в аренду (см., например, надпись из Гилларимы II в. до н. э. — ВСН, 1937, стр.

¹⁵ И. М. Дьяконов отмечает, что взаимопомощь сельских хозяев была непременным условием древнего земледелия (ВДИ, 1963, № 1, стр. 19).

373). В деревне евксинеев около Кавна также существовала земля святылища, которая находилась в ведении всей деревни (согласно надписи, жители засаживают ее фруктовыми деревьями — SEG, XIV, 656). Общественный земельный фонд был и в общинах провинции Азии¹⁶. У нас нет оснований думать, что эти факты были в Малой Азии исключением.

Господствующий класс, землевладельцы, жившие за счет чужого труда, также были связаны в своем праве распоряжения землей: они выступали либо как члены гражданского коллектива со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями, либо как царские служащие, ограниченные в своих действиях контролем со стороны центральной власти. Отношения господства и подчинения формировались в условиях существования связанной земельной собственности, и поскольку основной системой связей у непосредственных производителей в сельском хозяйстве были связи общинные, то и возникает нообщинная зависимость — от полиса, от царя или от царского вельможи.

Греко-македонское завоевание, образование новых государств и новых городов не могло не повлиять на традиционные формы зависимости. Земли персидской знати и некоторые племенные территории образовали царский земельный фонд. Для «царских людей» также была характерна связь с общиной; для этого периода, мне кажется, можно говорить уже об известном п р и к р е п л е н и и к общине, поскольку не везде связь с общиной сохранила естественный характер; многие прежние деревни, по всей вероятности, были разорены в результате военных действий, другие возникли заново, земледельцы по своей воле переселялись в другие места: развитие городского ремесла давало им возможность найти работу в городе; вообще развитие товарно-денежных отношений требовало все большей и большей свободы действий производителей, ослабляя традиционные ограничения. Но центральной власти было удобнее иметь дело с «организованными» подданными и взимать подати сразу с целого коллектива. Личная зависимость «царских людей» в государстве Селевкидов не была оформлена; применение глагола, означающего продажу, κ ληοί в надписи Лаодики кажется уникальным не только в свете немногих сохранившихся данных о «царских людях» в государстве Селевкидов, но и в свете того, что мы знаем из поздних источников, происходящих из малоазийских и сирийских провинций. Ни в одной надписи о передаче, продаже, посвящении, закладе земли нет упоминания работников (не-рабов!); можно было, скажем, передать доходы с деревни на нужды императорского культа, но не самих жителей ее. Хотя на деле речь шла о передаче Лаодике ο β π ζ и ны, Антиох, присоединяя к объектам продажи и переселившихся κ ληοί, таким словоупотреблением как бы приравнивал их к рабам; как господин, владевший землей по праву завоевателя, он мог так поступить, но это словоупотребление не оказало влияния на дальнейшее правовое развитие: жители деревень вплоть до поздней Империи не находились в л и ч н о й зависимости, если только они не попадали в долговую кабалу.

Неопределенность правового положения «царских людей» кажется мне связанной и с известной нестабильностью царского земельного фонда, особенно в западно-малоазийских территориях. Мы имеем ряд случаев передачи или продажи царской земли городам как непосредственно (RC, 14 — Милет; OGIS, 336 — Питана; RC, 29 — Миласа), так и путем разрешения приписки к городу земельных владений, полученных частными лицами от царя. Люди, получившие наделы на царской земле, стремились

¹⁶ См. Е. С. Г о л у б ц о в а, Очерки социально-политической истории Малой Азии в I—III вв., М., 1962, стр. 33 сл. О землях храмовых объединений см. А. Г. П е р х а н я н, Храмовые объединения Малой Азии и Армении, М., 1956.

полностью ею распоряжаться: закладывать за свои личные долги, освободиться от контроля царских чиновников и, наконец, полностью изъять свои земли из царского земельного фонда путем приписки к городу.

Не только чиновники и вельможи, но и военные поселенцы расширяли постепенно свои права на распоряжение полученной от царя землей. В смирнской надписи о даровании прав гражданства военным поселенцам указано, что безземельным катекам город дарует по всадническому клеру (OGIS, 229). Вероятно, катеки потеряли свои наделы (продали, заложили и т. п.); согласно *lex coloniae* из Дура-Европос, дошедшего до нас в поздней копии, клер в этом военном поселении могли наследовать и женщины. Клер мог также дробиться¹⁷. Евмен даровал бездетным военным поселенцам право завещать наделы (RC, 51). Такое в известной степени нестабильное количественное и правовое положение царского земельного фонда в Малой Азии было связано с тем, что здесь не было экономических основ для существования крупной царской собственности, так как не было необходимости в крупных ирригационных работах, которые не были бы под силу отдельным общинам или городам. Кроме того, это был период высокого уровня развития товарно-денежных отношений; на территории полисов земля давно уже стала объектом купли-продажи; система наделения царской землей за службу противоречила этим процессам, поскольку она сковывала развитие индивидуального хозяйства и индивидуальной инициативы. Вводя денежные подати в общинах, цари сами ставили земледельцев перед необходимостью отказываться от традиционных ограничений в ведении их хозяйства и в их праве распоряжения наделом. Поэтому подчас самим царям было выгоднее передавать землю самоуправляющимся полисам и взимать с последних государственный налог. На землях городов внеэкономические ограничения в отношении распоряжения землей для жителей сельских общин были смягчены; земли в деревнях продавались и покупались, могли находиться в залоге (например, BSA, 1917/18, XXII, стр. 196: земля покупается в деревне; SGDI, 5735: участок, находящийся в Белой деревне, заложен). Среди деревенских жителей происходит имущественная дифференциация (взносы на священные нужды, сделанные жителями деревни евксиниев в окрестностях Кавна, колебались от 30 до 100 драхм, причем вносили не все; даже за взнос 30 драхм выносилась особая благодарность — SEG, XIV, 656). Встречается применение по отношению к сельским жителям — негражданам в официальных постановлениях термина *ἐλεύθεροι*¹⁸. Вероятно, на городских землях не существовало ограничения переселения: благодаря этому в городах создавалась прослойка переселенцев-пареков, официально включенных в статусную систему полиса. Но детальное рассмотрение вопроса о положении сельского населения на городских землях не входит в задачи настоящей статьи.

С образованием провинции Азии царский земельный фонд, естественно, перестал существовать. Домениальная собственность императоров в этих районах ни генетически (за исключением, возможно, владений Аминты, перешедших к Августу), ни по существу своей организации не была продолжением царской земельной собственности эллинистических государств. На императорских землях не существовало ни условного владе-

¹⁷ См. G. T. Griffith, *Mercenaries of the Hellenistic World*, Camb., 1935, стр. 156 сл.

¹⁸ В декрете гор. Дим (Syll.³, 531) права граждан получают «эпойки» в том случае, если они и их родители были свободны. По уже упомянутому декрету Смирны о военных поселенцах Магнесии на Сициле и соседних крепостей гражданские права, кроме катеков, получают и остальные живущие там, если они «свободные и эллины». Необходимость второй оговорки (и эллины) показывает, что неэллины тоже рассматривались как *ἐλεύθεροι* (кроме, конечно, тех, кто юридически был рабом).

ния за службу, ни особой группы «императорских людей» — непосредственные производители в императорских доменах Малой Азии и Сирии назывались общеправовыми статусными терминами: кометами, пареками — или неопределенными: земледельцы, агройки; последний термин применительно к крестьянам императорских доменов в Сирии встречается в письме Домициана своему сирийскому прокуратору — SEG, XVII, 755.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что в период эллинизма под влиянием развития товарно-денежных отношений постепенно изживала себя система царского землевладения, ограничивавшая свободу распоряжения землей и хозяйственную инициативу как крупных землевладельцев (вельмож, царских служащих), так и непосредственных производителей, связанных с общиной. Характерной формой зависимости этих производителей при всех различиях в конкретном положении их на царской или частной земле была разновидность коллективной зависимости — а именно пообщинная зависимость земледельцев в сочетании с земельной зависимостью самих общин.